

Избирательное законодательство и избирательная практика в системе российских государственных институтов

Экспертное мнение В.А. Шейниса

1. Превращения избирательной системы

Менее чем за двадцать лет избирательное право и выборы в России прошли сложный и драматический путь. На старте была политическая реформа, к которой партийные реформаторы во главе с М. Горбачевым подошли в 1988 г., и первые проведенные на ее основе выборы в 1989 и 1990 годах. Советские выборы с их тщательно отлаженным еще при Сталине порядком аппаратного «подбора и расстановки кадров» были декоративными. Но на исходе перестройки декорации ожили. Выборы в политических и культурных центрах страны стали альтернативными, конкурентными. В союзный, а затем и республиканские парламенты, в местные Советы пришло немало людей «неуправляемых», выдвинутых научными институтами, творческими союзами, общественными организациями и поддержанных «улицей».

Выборы проводились на основе крайне несовершенных законов. Но в обстановке общественного подъема и растерянности властей они дали парламенты, более или менее адекватно отразившие политическую атмосферу и соотношение сил в стране. Начало союзного и российского парламентов вселяло смелые надежды, конец того и другого — во многом по их собственной вине — разочаровывал. Но продвижение от коммунистической диктатуры к парламентарному строю было обозначено, а представление о том, что органы власти могут и должны формироваться только на свободных и конкурентных выборах, вошло в сознание миллионов.

Разработка нового избирательного законодательства в России началась в декабре 1992 г., после седьмого Съезда народных депутатов, когда стало ясно, что Съезд в отведенный ему срок не просуществует и вскоре будет востребована избирательная система, способная воспринять произошедшие в стране перемены. Эта работа осуществлялась на инициативной основе группой депутатов и экспертов в рамках Конституционной комиссии, избранной Съездом народных депутатов РСФСР в 1990 г. Однако подготовленный ею проект в грозовой ситуации 1993 г. провести в Верховном Совете не удалось. Он лег в основу президентских Положений, в соответствии с которыми в декабре 1993 г. были проведены выборы в Государственную Думу и Совет Федерации¹.

В Положениях было оговорено, что они действуют лишь на выборах 1993 г. Перед вновь избранной Думой встала задача — создать легитимную базу избирательного процесса. В условиях цейтнота и острых столкновений удалось отстоять основные принципы системы, прочерченные еще в проекте Рабочей группы Конституционной комиссии. Были наскоро приняты избирательные законы, на основе которых проводились выборы в 1995 и 1996 годах.

В последующие годы избирательное законодательство дорабатывалось и совершенствовалось. Оно в общем соответствовало Конституции РФ (это подтвердил

¹ См.: Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. Переломные годы в российской политике (1985-1993). М., 2005. Т. 2. С. 578-628

Конституционный Суд в 1998 г.) и международным демократическим стандартам. Поправки, которые в него депутаты продолжали вносить в 90-е годы, отвечали двум основным требованиям: основы избирательного закона оставались стабильными, а изменения были продиктованы запросами правоприменительной практики. На выборах нормы Закона нередко нарушались и искажались, и законодатель, как мог и умел, включал в Закон отдельные изменения, призванные противодействовать административному вмешательству, злоупотреблениям в СМИ, участию больших и «грязных» денег и т.п. В 2002 г. председатель Центризбиркома заявил: в закон внесены «последние серьезные изменения, больше таких не потребуется»².

Вскоре, однако, оказалось, что это не так. В 2002–2003 годах началась, а в последующие годы ускорилась, коренная ломка избирательного закона, замена его несущих конструкций. И изменения эти представляли ответ не как прежде — на проблемы, которые выявлялись в ходе выборов, а на запросы, вытекающие из некоего общего проекта переустройства политической системы, обозначаемого эвфемизмами «управляемая», «суверенная» демократия. В трансформации избирательного законодательства изменился вектор: от развития к деволюции³. В итоге страна получила совершенно другую избирательную систему.

2. Переход к пропорциональной системе выборов

Идеальной, пригодной для всех стран на все времена избирательной системы нет в природе. Российский законодатель в 90-х годах предпочел и отстоял в нелегких баталиях смешанную систему в простейшем варианте: две половины Думы избираются на основе разных принципов, не связанных меж собой: одна — по партийным спискам, другая — по одномандатным округам.

Если от этого варианта и пришло время уходить (что вовсе не доказано, ибо стабильность — одно из важных требований к любому закону, в том числе и избирательному), то двигаться надо было, на мой взгляд, к связанной смешанной системе по тому образцу, который успешно функционирует в Федеративной (подчеркнем это!) Республике Германии уже более полувека. Германская избирательная система, по сути, является пропорциональной: политическую структуру Бундестага определяет второй голос, который избиратель отдает за ту или иную партию. Но у избирателя есть и первый голос, который он отдает кандидату персонально. Земли ФРГ поделены на равновесные избирательные округа, в которых соревнуются претенденты за депутатские мандаты. Таким образом, избирателю, а не закрытым системам партийного отбора принадлежит решающее слово, из кого будет состоять большинство депутатов, представляющих партию, за которую он проголосовал. Предложения партийных съездов тем самым проходят проверку на открытом политическом рынке. Кроме того, в ФРГ, например, партия, не преодолевшая заградительный барьер, но сумевшая провести своих кандидатов в фиксированном (небольшом) числе мажоритарных округов, допускается также к распределению мандатов по пропорциональной системе в соответствии с долей поданных за нее голосов.

В России с размаху отбросили прежний вариант и перешли к чисто пропорциональной системе, не существующей ни в одном федеративном государстве.

² Коммерсант-Власть. 2002. 2 июля.

³ Термин «деволюция» имеет двоякое значение — и оба они точно выражают то, что происходит с избирательной системой в России. Во-первых, передача функций, полномочий от одного субъекта другому. Формирование органов власти перешло от избирателей к исполнительной вертикали. Во-вторых, упадок, деградация.

Примечательно, как свершилась эта метаморфоза. Еще свежа память, с каким трудом в 90-х годах утверждался пропорциональный компонент избирательной системы, какими яростными были атаки на него, сколь широк был фронт его критиков, настаивавших на том, что полноценный выбор избиратели могут сделать, лишь заглянув в глаза кандидатам, а не ориентируясь на анонимные партийные списки. Эти голоса по понятным причинам замолкли — их заглушило одобрение, кажущееся всеобщим. И это, может быть, самый удручающий момент новой политической ситуации. Не приходится сомневаться, что если бы сверху была дана иная команда (например, возврат к чисто мажоритарной системе), депутаты, губернаторы и официальные СМИ с таким же единодушием высказались бы и за такой поворот.

Принятая ныне в РФ система дефектна по меньшей мере в трех отношениях. Она, во-первых, ведет к окостенению нашей недоразвитой партийной системы, обеспечивая — вместе с некоторыми другими нововведениями, о которых чуть дальше — преференции для квазипартии большинства, слитой с исполнительной властью и представляющей не что иное, как пресловутые «рычаги» — передаточный механизм от высшего политического руководства к средним и низшим группам бюрократии и зависимым от нее слоям населения. Существующий порядок закрепляет монополию поставленных во главе партии и заведующих партийным строительством чиновников на формирование партийных списков, отбор кандидатов и открывает широкие возможности для манипуляций — вплоть до коррекции состава уже избранных фракций⁴.

Во-вторых, она вымывает из политической жизни партии оппозиционного меньшинства, ранее получавшие возможность провести в Государственную Думу своих кандидатов по одномандатным округам и создать там собственное депутатское объединение. Блокирует она также выход на политическую арену новых партий.

В-третьих, фактически отменено пассивное избирательное право беспартийных граждан. Они лишены теперь возможности самовыдвижения. Взамен предложена причудливая процедура, посредством которой соискатель вправе испрашивать никоим образом не гарантированное включение его кандидатуры в список любой партии по его выбору. Ничего подобного на деле, конечно, не происходит и происходить не могло. Новый Закон препятствует приходу в парламент ярких лидеров, заслуживших доверие избирателей, но оказавшихся за пределами партий, допущенных к выборам⁵.

Если уж и переходили на полностью пропорциональную систему выборов в Думу, то в федеративном государстве как минимум следовало уравновесить это прямыми выборами членов Совета Федерации населением, как это было в 1993 г. Но Совет Федерации остается весьма странным учреждением, в котором половина — назначенцы назначенцев (губернаторов), а вторая половина представляет региональные законодательные собрания, которые при некоторых условиях могут быть распущены президентом. К тому же не законом, а всего лишь внутренним Регламентом Совета Федерации за его Председателем закреплено право блокировать включение в состав верхней палаты ее члена, назначенного властями субъекта Федерации. К этой возможности он неоднократно прибегал. Надо иметь очень богатое воображение, чтобы усматривать в таком институте палату парламента.

⁴ В соответствии с новой редакцией ст. 89 Федерального закона от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»

⁵ Насколько эффективно действует эта норма, можно заключить из того, что на выборах 2003 г. право на самовыдвижение реализовали 1338 граждан, из них 757 были зарегистрированы кандидатами и 67 — избраны в Государственную Думу. См.: Мониторинг демократических процедур. 2008. Бюллетень № 5. С. 7. В 2007 г. путь «самовыдвиженцам» был перекрыт.

3. Вытеснение оппозиции с избирательного поля

Замена смешанной избирательной системы — пропорциональной — осуществлена в комплексе с отчетливо антидемократической коррекцией ряда других существенных положений, образующих каркас избирательной системы.

В период становления партийно-политической системы партии, возникающие на основе низовой инициативы, а не выстраиваемые властями, как правило, проходят стадию, когда они не могут рассчитывать на широкую поддержку избирателей. Происхождение и перспективы таких новообразований различны. Они могут претендовать на представительство социальных слоев с весьма значимыми в обществе, но еще не консолидированными интересами. А могут представлять незначительные группы маргиналов, предводители которых прокладывают себе «путь наверх» в политике. Чтобы отделить первых от вторых, в странах, где действует пропорциональная избирательная система, вводится заградительный барьер: партия-претендент на участие в разделе мандатов должна получить на выборах определенный минимум голосов. Понятно, что парламент, раздробленный на множество мелких фракций, теряет работоспособность. Порог в большинстве случаев определен эмпирически и обычно колеблется в пределах 3–5%.

Российский законодатель решал эту задачу, не имея достаточного опыта применения системы. Вначале он склонялся к 3⁶, а затем поднял порог до 5%. Опасения были небезосновательны. В 1995 г. на первых проходивших в относительно спокойной обстановке думских выборах из 43 участников избирательного марафона были отсечены 39, получившие в общей сложности 44,8% голосов. Доля нерезультативных голосов была, конечно, чрезмерной, но барьер выполнил роль, для которой, собственно, и был предназначен: 27 лузеров получили менее 1% голосов каждый, еще 6 — менее 2%⁷. На последующих выборах и число участников, и доля потерянных голосов резко сократились, и разумно было бы в интересах представительности парламента барьер понизить, как это, например, сделали на Украине.

Но в преддверии выборов 2007 г. пошли в обратном направлении: подняли заградительный барьер до абсурдного уровня — 7%. В демократических странах на такой отметке отсекаются лишь блоки, а не партии. Потенциально это означает, что при средней явке на выборы около 65% зарегистрированных избирателей до 4 млн граждан, проголосовавших за не преодолевшую барьер партию, вообще будут лишены представительства в Думе. А на практике такой барьер выполняет роль сигнала для избирателей тех партий, которые не попадают в шорт-лист социологических опросов. Многие из них считают для себя участие в голосовании бессмысленным и на выборы не приходят. Законодатели Москвы вместе с их коллегами из Калмыкии и Дагестана показали, что и 7% — не предел, выстроив 10-процентный барьер для выборов в региональные законодательные органы. Такое чрезмерное рвение пришлось выправлять федеральному законодателю.

Отчетливо дискриминационный характер носит и повышение еще двух порогов: с 3 до 4% — для возврата избирательного залога и с 2 до 3% — при недостижении которого проигравшая партия обязана возместить стоимость предоставленного ей как бы бесплатного эфирного времени и площади в печатных изданиях. Это нововведение не только наказывает не преодолевшую барьер партию за участие в выборах,

⁶ Избирательный закон. Материалы к обсуждению. М., 1993. С. 34.

⁷ ЦИК. Выборы депутатов Государственной Думы. 1995. Электоральная статистика. М., 1996. С. 144.

но и решает перспективную задачу — ее последующего выдавливания из политики, провоцируя финансовое банкротство.

Чтобы еще вернее отстранить партии меньшинства от участия в выборах и законсервировать сложившуюся партийную структуру, сначала запретили избирательные блоки, а когда и это показалось недостаточным — исключили возможность скрытых блоков: включения в партийные избирательные списки членов иных партий.

Параллельно в конце 2004 г. был ужесточен Закон о партиях. Уже исходная версия принятого в 2001 г. Закона отдавала партийное строительство под чрезмерный контроль государственных органов. В 2006 г. в него были внесены изменения, в соответствии с которыми требования к численности партий были повышены с 10 до 50 тысяч членов (в половине регионов — не менее 500 членов). Однако и этого показалось недостаточно: в 2008 г. в Думу были внесены поправки к закону, поднимающие минимум до 100 тыс. В большинстве европейских стран требования к численности партий отсутствуют или установлены на очень низком уровне. Российский же законодатель уверенно движется в направлении прямо противоположном объективному процессу, который наблюдается в демократических странах, в большинстве из которых численность зарегистрированных членов партий снижается. Как известно, сила и влияние партий проверяются на выборах, а не в кабинетах регистрационных служб. В нашем же случае именно в этих кабинетах, где регулярно представляемую обширную документацию партий придирчиво проверяют вовсе не беспристрастные органы исполнительной власти, выстраиваются дополнительные заслоны на пути к выборам оппозиционных партий и ставится под вопрос само их дальнейшее существование.

Результаты применения обновленной версии Закона о партиях выглядели следующим образом. На начало 2005 г. в России было зарегистрировано 42 партии. Из них к середине 2007 г. сохранилось 17 партий. Остальные подверглись слияниям и преобразованиям, но большая часть была ликвидирована в процессе перерегистрации. В Верховном Суде были рассмотрены и полностью удовлетворены 12 исковых заявлений Федеральной регистрационной службы о ликвидации различных партий. Кассационная коллегия Верховного Суда рассмотрела 7 дел и по всем оставила принятые решения без изменения⁸. На декабрьские выборы 2007 г. вышли 15 партий, 11 из них не смогли преодолеть барьер. Вслед за тем по инициативе и под давлением кремлевской Администрации процесс межпартийных слияний и поглощений вступил в новую фазу. К концу 2008 г. останется не более 9 партий, а в начале следующего года Минюст намерен провести проверку всех остающихся. Ориентир задан главным кремлевским идеологом В. Сурковым, полагающим, что для России вполне достаточно четырех партий⁹. Даже если известная часть удаленных с арены партий была нежизнеспособна, предпринятое регулирование представляется и избыточным, и опасным.

Еще один труднопреодолимый заслон — регистрация партий (и отдельных кандидатов на местных и региональных выборах). Нежелательных для властей претендентов останавливают на дальних подступах к голосованию. Условия регистрации были существенно облегчены для партий, уже представленных в Думе (они не обязаны ни собирать подписи, ни вносить залог) и непомерно затруднены для всех остальных. Самое уязвимое звено процесса — проверка подписей избирателей,

⁸ Мониторинг демократических процедур. 2007. Бюллетень № 4. С. 88-100.

⁹ См.: Новая газета. 2008. 6 октября; Независимая газета. 2008. 14 октября.

собранных в поддержку кандидата или партийного списка. В 2003 г. на выборах в Думу действовала норма, допускавшая 25-процентный лимит брака среди подлежащих проверке подписей. Если после выбраковки общее число действительных подписей не опускалось ниже установленной квоты, партия к выборам допускалась. К выборам 2007 г. норма брака была сокращена до 5%. Одновременно до 5% был понижен резерв подписей, которые партия вправе представить в ЦИК России сверх общей квоты для проверки. Опыт показывает, что для организаторов выборов не составляет труда забраковать по различным основаниям, нередко достаточно произвольным, не только 5, но и 25% подписей. Существует и иная практика: выполняя заказ, избирательные комиссии снисходительно рассматривают документацию, которую представляют партии-клоны, созданные при поддержке властей для отвлечения голосов от реальных их оппонентов. Фиктивность проверки в таких случаях легко обнаруживается, когда на выборах партии (или кандидаты) получают меньше голосов, чем якобы было собрано подписей в их поддержку.

С 1999 г. существует альтернативное основание для регистрации — избирательный залог. Однако и здесь законодатель позаботился ужесточить условия. Во-первых, величина залога привязана к избирательному фонду. Повышение допустимой величины избирательных расходов вздымает и залог (на выборах в Думу — с 37,5 до 60 млн рублей). Во-вторых, залог нельзя стало использовать как страховочный вариант на случай отказа в регистрации по мотиву выбраковки подписей.

Россия, кажется, единственная европейская страна, где кандидаты тысячами не допускаются к выборам. Отказ в регистрации под различными, искусственно созданными предложениями, нередко применяется против сильных кандидатов и партий, успешное выступление которых на предстоящих выборах предрекают прогнозы. Так были отстранены от участия в выборах в законодательные собрания Карелии и Санкт-Петербурга региональные организации РОДП «Яблоко».

Законодатель ограничил не только возможности позитивного выбора избирателей, но и различные формы их протестного поведения. Возможность срыва выборов неучастием в них — отменой порога явки: сколько бы избирателей ни пришло на выборы, они будут признаны состоявшимися. Возможность выразить протест против отстранения реальных оппонентов отобранными властями кандидатам — отменой графы «против всех» в избирательном бюллетене. Власти стремятся пресечь даже такую по сути невинную и малоэффективную форму протестного поведения, как вынос бюллетеней с избирательных участков. На некоторых из них были зафиксированы попытки обвинить «похитителей» в противоправном поведении, а председатель Центризбиркома подвел под это юридическую базу: «бюллетень — государственная собственность».

4. Гарантии для «партии власти»

Пересмотренное законодательство не только подавляет политических конкурентов и исключает организованные формы протестного поведения избирателей. Для фаворита — «партии власти» создаются комфортные условия, призванные обеспечить ей не просто победу на выборах, но оглушительный успех.

Иначе как прямым обменом избирателей трудно назвать легализацию участия в выборах во главе списков так называемых «паровозов» — известных спортсменов и знаковых руководителей исполнительной власти. Первые, как правило, не обладают ни необходимым образованием, ни опытом, ни выдающимися способностями для законотворческой и политической деятельности. Вторые — носители специфиче-

ского опыта и навыков и держатели административного ресурса. Объединяет их то, что и те, и другие вовсе не собираются заниматься парламентской работой и представляют свое популярное или знаковое имя для привлечения голосов избирателей и вытягивания в депутаты безвестных и послушных статистов и «нужных» людей, которыми руководство партии заполняет списки.

С наплывом такой публики законодатель столкнулся еще в 90-х годах и попытался остановить его введением санкций: за отказ от мандата кого-либо из ведущей «тройки» без обоснованных причин — передачей его другой партии, а не продвижением следующего по списку претендента. Норма эта после долгих согласований в Законе появилась. К сожалению, она была не вполне корректно сформулирована, и ее стали обходить. Надо было вводить сильные негативные стимулы для партий, помещающих подобных псевдокандидатов в свои списки. Их потери должны были быть более ощутимыми, чем потеря одного-двух мандатов. Но получив абсолютное доминирование в Думе, «партия власти» эту норму удалила совсем, и на выборах 2007 г. сделала практику «паровозов» не исключением, а правилом.

В качестве таковых повсеместно выступили губернаторы, возглавившие региональные подразделения списков «Единой России», и сам Президент, в единственном лице представивший федеральную часть ее списка. Только 19 из 84 глав регионов РФ не были включены в ее список. Из 65 президентов республик и губернаторов краев и областей, фигурировавших в списке этой партии, 63 заняли в своих региональных группах первые позиции (в 2003 г. — 29), двое — вторые. Кроме них в список были включены 4 федеральных министра, главы ряда региональных правительств и парламентов, 19 мэров региональных центров. Неадминистративный контингент парка «паровозов» был представлен скромнее: 11 спортсменов, 3 космонавта, 4 деятеля культуры¹⁰. Совершенно очевидно, что участие губернаторов в качестве «свадебных генералов», разрешенное также на выборах в региональные собрания, которым теперь надлежит утверждать их кандидатуры, — издевательство и над демократическими выборами, и над здравым смыслом.

По части привлечения на выборы администраторов Закон не просто отказался от сравнительно слабой нормы 90-х годов. В этом отношении закон и практика откатились значительно дальше вглубь российской истории. Положение о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г., во многих отношениях далеко не демократическое, запрещало участие в выборах «губернаторов, вице-губернаторов и их помощников — в пределах подведомственных им местностей», а также «лиц, занимающих полицейские должности в данной губернии или городе, по которым проводятся выборы». В разосланном вдогонку циркуляре министра внутренних дел губернаторам и градоначальникам предписывалось вести «наблюдение за тем, чтобы должностные лица и учреждения не допускали с своей стороны никакого, даже самого отдаленного, вмешательства со стороны властей в ход выборных дел»¹¹.

Эффективным инструментом в руках исполнительной власти для достижения требуемого результата на выборах являются избирательные комиссии, фактически (и в существенной мере — также юридически) встроенные во властную вертикаль.

¹⁰ Мониторинг демократических процедур. 2008. Бюллетень № 5. С. 40-42. В 2007 г. в закон была внесена поправка, стимулирующая самих именитых «отказников». Потеряв руководящий пост, они могут вернуть себе думский мандат, если Думу покинет депутат той же партии, что организовать несложно.

¹¹ Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX — начала XX вв. М., 2001. С. 538; Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Гроигорьева Ю.Г., Петров А.Н. Ставновление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 23.

Законодательство 90-х годов следующим образом определило порядок формирования избирательных комиссий: в ЦИК России — по одной трети членов назначают Президент, Совет Федерации и Дума; члены комиссий субъектов Федерации и окружных комиссий по выборам федеральных органов на паритетной основе назначаются органами законодательной и исполнительной власти; комиссии нижестоящих уровней — выборным органом местного самоуправления. Причем не менее трети членов комиссий, начиная от субъектных, должны быть назначены по предложению партий и не более трети могли составлять государственные и муниципальные служащие. Председатели, их заместители и секретари всех комиссий избирались тайным голосованием членами комиссий. Ограничительным условием для избрания всех членов ЦИКа и председателей субъектных комиссий было требование юридического образования или ученой степени в области права. Это был относительно демократический порядок. Правда, участие в формировании избирательных комиссий исполнительной власти, которая одна только располагает реальными рычагами повседневного давления на назначенных ею лиц, было отзвуком недавнего противостояния ветвей власти и при разумном подходе подлежало устранению.

Как и в других областях избирательного права, здесь также пошли в противоположном направлении. Порядок формирования ЦИК в основном сохранен, но при сложившейся партийной структуре Думы преобладание в ней президентских назначенцев (и следовательно, избрание ключевой фигуры — ее Председателя) гарантировано (положение, согласно которому одна политическая партия может назначить лишь одного члена комиссии, обходится разбиением депутатов от «Единой России» на несколько думских фракций). Замена требования о высшем юридическом — любым профессиональным образованием для членов ЦИК и председателей субъектных комиссий облегчает маневры при персональных назначениях, чем немедленно воспользовались, заменив одного председателя ЦИК на другого, более подходящего. При формировании избирательных комиссий субъектов Федерации был сохранен паритет (что означает на деле доминирующую роль губернатора). А под ними была выстроена вертикаль: вышестоящие комиссии либо прямо формируют нижестоящие, либо назначают в них председателя, что решительно меняет его статус в комиссии. В составе комиссий — от низового до верхнего уровня разрешено повысить удельный вес функционеров — федеральных и муниципальных чиновников с одной трети до половины. Если учесть, что основную массу нечиновных членов участковых избирательных комиссий составляют люди зависимые от администрации (учителя, врачи, работники сферы обслуживания), то становится очевидным, что органы, организующие, регулирующие и надзирающие за избирательным процессом, сведены в некое подобие пирамиды, на вершине которой стоит все та же исполнительная власть.

Избирательные комиссии, по сути включенные в систему исполнительной вертикали по модели своего рода министерства по делам выборов, обеспечивают непрозрачный характер учета результатов голосования. Где могут — ограничивают общественный контроль, нарушают права наблюдателей, если они претендуют на недекоративную роль (в этой системе независимые наблюдатели — чуждый и враждебный элемент), подправляют протоколы об итогах голосования после ухода наблюдателей, идут на прямые фальсификации, вбрасывая дополнительные бюллетени и поддельная подписи неявившихся избирателей. Такие нарушения от выборов к выборам распространяются все шире. Когда дело доходит до обращения в суд, суды, как правило, не усматривают в подобных действиях наличия криминала и отклоняют поступившие иски на том основании, что нарушения не доказаны, а обна-

руженные нарушения «не могли повлиять на общий итог волеизъявления избирателей». По данным КПРФ, по искам, поданным в связи с различными нарушениями на думских выборах 2003 г., было проведено около 200 судебных процессов. Фемида на них повела себя предельно милосердно: максимальным было осуждение на 2 года условно, но чаще виновники присуждались к незначительным штрафам.

На этом фоне совсем уж мелким проступком выглядит тот факт, что, по оценке экспертов, избирательные комиссии 24 субъектов Федерации либо уклонились от предписанного им законом размещения на сайтах информации об итогах думских выборов 2007 г. в своих регионах, либо выдавали ее несвоевременно или неполно¹².

5. Закон против Конституции

Избирательное законодательство последних лет все решительнее вытесняло выборы как способ формирования органов власти или замещало их более или менее искусно срежиссированной имитацией.

Главный политический институт в России — Президент и непосредственно подчиненные ему службы. Главные выборы — президентские. В последний раз они были альтернативными, хотя и не вполне честными, в 1996 г. В следующий раз приз был разыгран на парламентских выборах, которые предшествовали президентским и на которых в острой схватке сошлись две коалиции расколовшейся бюрократии: «Единство» и «Отечество — Вся Россия». Победа одной из них и последующее поглощение ею коалиции проигравшей уже в 2000 г. предрешили не только персональный выбор, но и порядок выборов, по сути — назначение Президента на несколько избирательных циклов вперед.

Правительство — институт практически независимый от каких бы то ни было выборов. Персональные перестановки на верхнем этаже властной пирамиды произошли в 2008 г. Баланс власти между Правительством, глава которого стал лидером партии, получившей конституционное большинство в Думе (не будучи ее членом, но контролирующим в ней все главные назначения), и им же назначенным Президентом, изменился. Потребуется время, чтобы оценить, к чему это может привести в государственном устройстве и какие, возможно, перспективы открывают эти сдвиги. Но о продвижении к парламентской республике всерьез говорить не приходится: Дума и Совет Федерации, как не были все последние годы самостоятельными акторами даже в узких пределах закрепленных за ними конституционных полномочий, так и остаются инструментами в чужих руках.

Правящей партией является не причудливое квазипартийное образование, занявшее более двух третей кресел в Государственной Думе, а кремлевская Администрация, которая делит власть с ключевыми фигурами в Правительстве, и присоединившиеся к ним губернаторы. «Единая Россия», которую избирательная контрреформа обрекает на неизменные победы на федеральном и региональном уровнях, не является, строго говоря, ни «партией власти», ни партией вообще. Это иерархически организованная, вертикально выстроенная корпорация чиновников. Принципиальные решения в ней принимаются не в собственных структурах партии, а в центрах, вынесенных за ее пределы — что было выразительно подчеркнуто порядком избрания и непартийным статусом ее председателя. Именно исполнительная власть обеспечивает «Единой России» и режим особого благопри-

¹² Мониторинг демократических процедур. 2008. Бюллетень № 5. С. 21.

ятствования, и результаты на выборах. «Единую Россию» точнее характеризовать как «партию при власти», как по меньшей мере с 20-х годов правящей партией не была ВКП(б) — КПСС. Это такая же имитация правящей партии, как ЛДПР — оппозиции.

Губернаторы — управители регионов также теперь назначаются и смещаются по воле исполнительной власти, как и представители Президента в семи федеральных округах. Их аналог — не французские префекты или иные высшие чиновники, назначаемые в регионы центральным правительством в некоторых демократических странах, а губернаторы и генерал-губернаторы в дореволюционной России и секретари обкомов КПСС в СССР. Ибо никакого, хотя бы слабого противовеса в лице представительных, избираемых органов власти, им теперь не существует. Их утверждение в должности законодательными собраниями — такая же фикция, как и одобрение на пленуме обкома или ЦК республиканской организации партийного чиновника, присланного по разнарядке из ЦК КПСС. Если существуют отличия, то они относятся к потаенным процедурам отбора, продвижения и смещения, пока, по-видимому, менее отработанным и централизованным, чем в том механизме, который за десятилетия утвердился в СССР.

Введение нового порядка замещения губернаторского корпуса мотивировано вовсе не угрозой терроризма (трагедия в Беслане — не более чем предлог) и не тем, что Президента перестало удовлетворять большинство занимающих эти посты лиц. В основном переназначались те же губернаторы, которые правили прежде, ротация носила выборочный и ограниченный характер. Но зато восторжествовала вертикаль, противопоказанная федеративному государству: губернаторы теперь зависят от Президента, а не от избирателей.

Не стала независимой и судебная система. Судьи повязаны неформальной зависимостью от все той же исполнительной власти на местах и формализованной — от органов судебного сообщества, управляемых председателями областных и городских судов. Даже Конституционный Суд — наименее «басманизованное» звено судебной системы — принимает по делам, политическая подоплека которых очевидна, решения, юридическая правомерность которых вызывает серьезные сомнения. Одно из самых выразительных решений такого рода, вошедшее в противоречие с другим, ранее принятым тем же судом по аналогичным жалобам, — признание соответствующим Конституции невыборного порядка формирования исполнительной власти в субъектах Федерации.

Противостоять всем этим искажением конституционных принципов посредством избирательных процедур оказалось невозможно. На выборах независимым партиям и кандидатам даже тогда, когда им удавалось зарегистрироваться, приходилось конкурировать не с провластными выдвиженцами, а с государственной машиной, включающей избирательные комиссии, четко сориентированные государственные и парагосударственные СМИ, органы охраны порядка от прокуратуры до милиции и т.д. По мере упрочения властной вертикали каждые следующие выборы все более освобождались от воздействия каких-либо независимых общественных сил и в конечном счете — от самостоятельно определяющих собственный выбор избирателей. В итоге они давали устроителям все более устраивающий их результат и санкционировали утверждение политической системы, воспроизводящей самое себя. Так выхолащивается относящаяся к основам конституционного строя норма, согласно которой свободные выборы являются высшим непосредственным выражением воли народа.

В той же статье 3 Конституции РФ другим высшим выражением воли народа объявлен референдум. С этим инструментом народовластия обошлись столь же беспощадно, как и с избирательным законодательством. Новая редакция конституционного Закона о референдуме РФ 2004 г. развела проведение референдума с федеральными выборами по времени, запретила его инициирование гражданами в течение года до окончания срока полномочий Президента и Государственной Думы и ужесточила требования к формированию инициативных групп и процедуре сбора подписей. По оценке специалиста в области конституционного права В. Невинского, вся работа по подготовке и проведению референдума может потребовать 17,5 месяцев, которые необходимо вписать в 4-летний избирательный цикл за вычетом последнего предвыборного года.

В 2008 г. были запущены новые поправки, ограничительные уже по содержанию: на референдум запрещается выносить вопросы, «отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти». Если учесть, что компетенцию эту в наших условиях несложно истолковывать практически безгранично и что до сих пор избирательные комиссии и законодательные собрания регионов и без того искусно пресекали все низовые инициативы по проведению референдумов, то приходится заключить, что дело идет к превращению фактического запрета в юридический.

Необходимо отметить, что референдум — острое оружие, с помощью которого, обращаясь к народу за решением сложных вопросов, рациональные ответы на которые требуют определенных познаний, инициаторы референдумов в разных странах не раз обходили институты представительной демократии и укрепляли популистские, автократические и тоталитарные режимы. Историк мог бы напомнить о бонапартовских и гитлеровских плебисцитах. Недавний пример — с небольшим перевесом на референдуме в Ирландии в 2008 г. был заторможен прогрессивный процесс европейского объединения. Так что когда Председатель Думы объясняет: смысл нового законодательства — в том, что оно призвано «оградить от использования в популистских целях», он встраивается в известную юридическую традицию сдержанного отношения к формам непосредственной демократии. Прямая демократия, утверждал президент ФРГ Т. Хойс, — «премия для демагогов»¹³.

Но как раз сейчас в российской политической жизни не существует достаточных оснований для ужесточения закона. Здесь после 1993 г. не удавалось провести ни одного федерального референдума, а в регионах проходили лишь референдумы, инициированные самой властью (по объединению субъектов Федерации). Однако память о том, как мощный таран референдумов в 1991 — 1993 годах крушил советскую систему, жива. Поэтому власть, которая подчинила себе парламент, предпринимает профилактические меры для того, чтобы заблокировать и альтернативный механизм народовластия как таковой. И выразительно демонстрирует обществу, что не позволит посредством референдума корректировать свои решения даже в тех случаях, когда такая коррекция не содержит для нее смертельной угрозы (например, отвергая общественную инициативу — наложить запрет на строительство сооружения-монстра, безобразящего силуэт великого города).

¹³ Политические права и свободные выборы. Сборник докладов. М., 2005. С. 81-83; Новая газета. 2008. 7-9 апреля.

6. Правоприменение: «административный ресурс»

До сих пор речь шла в основном о том, как избирательное законодательство приспособлялось к нуждам режима «управляемой демократии», как законодатель (а точнее, силы, которые водили его рукой) санкционировал отступление от духа и буквы Конституции. Но избирательная система всегда и везде выступает в сложном переплетении законодательства и правоприменительной практики. Современная избирательная система в России демонстрирует разрыв между законом, пусть искривленным и не вполне правовым, и практикой выборов, существенно отклоняющейся даже от такого закона. В 90-х годах можно было рассматривать нарушения избирательного закона, проистекавшие из разных источников — злоупотребление властью, вторжение криминала, экспансию «черного нала» и т.д. как более или менее равнозначные¹⁴. В последнее время на первое место выдвинулся так называемый «административный ресурс», а главным источником злоупотреблений стал сознательный курс власти на деформацию избирательного процесса.

Разнообразные формы прессинга, которому подвергаются избиратели в ходе кампании и в день голосования обстоятельно документированы представителями оппозиционных партий, независимыми экспертами и наблюдателями.

Преобладающую часть информации об участниках выборов граждане страны получают из телевидения. Распределение эфирного времени на государственных и зависимых от государства каналах осуществляется с колоссальным перевесом в пользу протезируемых претендентов. Так, по данным Центра исследований политической культуры России, в ноябре 2007 г. — месяце, предшествовавшем думским выборам 2 декабря, шесть главных телеканалов в общем массиве информации о шедших на выборы политических партиях 63,2% времени отвели «Единой России». У «Первого канала» и «России», имеющих наибольший ареал распространения сигнала, этот показатель достигал 69,4% и 71,8% соответственно. Время, предоставленное каждой из остальных партий, колебалось в диапазоне от 5-8% до нескольких долей одного процента. По данным другой организации — Центра экстремальной журналистики, исследование которого охватывало период с 1 октября по 22 ноября 2007 г., 87% всех политических и предвыборных новостей на «Первом канале» было посвящено институтам власти (Президент, Правительство, ФСБ и др.) и «Единой России». СПС и «Яблоку» вместе досталось 1,6% такого освещения.

Примерно в тех же пропорциях были представлены в федеральных СМИ кандидаты на пост Президента в 2008 г. Число упоминаний Д. Медведева составило 64% — вдвое больше, чем всех остальных претендентов, вместе взятых. В соревновании за информационное обеспечение президентской гонки косвенным образом участвовал также и «выиграл» ее у Медведева В. Путин¹⁵. Если принять во внимание, что информация на радио и в печатных изданиях подавалась в пропорциях, не столь уж сильно отличавшихся от телевидения, то в глазах основной массы населения приближавшиеся выборы должны были выглядеть как некий хэппенинг с заранее известным призером.

Всему этому потоку оппоненты власти могли противопоставить выступления на собраниях и митингах и листовочный материал. Ограничением того и другого

¹⁴ Шейнис В.Л. За честные выборы. М., 1999. С. 40-68.

¹⁵ «Голос». Мониторинг хода президентской избирательной кампании 2008 г. в СМИ. С. 9, 21; Мониторинг демократических процедур. 2008. Бюллетень № 5. С. 70-71.

занялись местные органы власти, работники МВД России и милиция. Митинги и марши подвергались запретам и разгонялись. Собрания срывались. Владельцы залов закрывали двери перед оппозиционными политиками, нередко отказываясь от уже достигнутых договоренностей. Объявления о предстоящих встречах срывались «неустановленными лицами». Агитационные материалы изымались без объяснения причин — при попустительстве ЦИК и Генеральной прокуратуры. Были зафиксированы многочисленные случаи давления на агитаторов. Руководители учреждений, ректоры вузов, главврачи больниц и поликлиник проводили в своих коллективах с «засветившимися» активистами «профилактическую работу»: советский опыт оказался востребованным¹⁶.

Казалось бы, при столь массивном давлении на избирателей, полном контроле над массовыми средствами информации, при исправно выполняющей поручения прокуратуре и управляемых судах — в грубых нарушениях порядка голосования и искажениях его результатов, то есть в деяниях, прямо предусмотренных Уголовным кодексом, нет необходимости. Тем более, что доверие к В. Путину было и остается на таком уровне, который и без всяких ухищрений обеспечивал направляемой им партии большинство в Думе, а преемнику — победу в первом туре.

Здесь, однако, действуют силы политической инерции, унаследованной с советских времен¹⁷. Нельзя полагаться на прогнозы — нужен запас прочности. Введена система, которая, как рассчитывают нынешние власти, гарантирует существующее положение на годы вперед. Недостаточно простого большинства в федеральном и региональных парламентах — необходимо такое большинство, чтобы голос оппозиции не мог быть услышан, чтобы ординарная процедура выборов могла быть представлена как демонстрация всенародного одобрения провозглашенного курса. Немаловажную роль играет и соревнование местных администраций: по показателям явки на выборах (которые потеряли значение, раз отменен порог) и голосования за «партию власти» и преемника оценивается их преданность и дееспособность. Не обеспечивших высокие показатели смещают в назидание остальным. Как прежде наказывали директоров предприятий, не выполнивших план, и поощряли — перевыполнивших. И вот по ряду территорий явка и голосование за «Единую Россию» по отчетам выходят на уровень, который законными средствами обеспечить невозможно: в Чечне — 99%, в Ингушетии — 98% и т.д.¹⁸

¹⁶ На общественных слушаниях «Очевидное и невероятное на федеральных выборах 2007-2008: факты и свидетельства», проведенных по инициативе Ассоциации «Голос» в Москве 23-24 апреля 2008 г. была представлена обширная информация, собранная наблюдателями, штабами политических партий, общественными организациями о многочисленных нарушениях на выборах. Везде, где мы печатали агитационную продукцию, на нее совершались набеги, — говорил адвокат В. Прохоров, представитель СПС. — Всего было изъято 31 млн. экземпляров такой продукции (в Подмосковье; в целом же по стране, по данным Н. Белых — 40 млн // Независимая газета. 2008. 10 июня); нам вернули лишь 2,6% незаконно изъятых материалов, но уже тогда, когда в выборных целях использовать их было поздно.

¹⁷ Известное представление о масштабах прямых фальсификаций может дать информация КПРФ о расхождении суммированных данных протоколов, полученных наблюдателями в участковых избирательных комиссиях, с показателями сводных таблиц территориальных комиссий, охватывающих те же участки, по 10 регионам. Сопоставление этих данных показало, что Д. Медведеву были приписаны 260 442 не поданных за него голоса. См.: Юридическая служба ЦК КПРФ. Справка о первоначальных итогах проверки протоколов участковых избирательных комиссий при проведении выборов президента Российской Федерации. Архив автора.

¹⁸ Мониторинг демократических процедур. 2008. Бюллетень № 5. С. 172. Красноречивый комментарий к этим показателям: в Ингушетии подписи в рамках акции «Я не голосовал» поставили свыше 52% зарегистрированных избирателей.

Запредельные результаты «партии»-фаворита на декабрьских выборах 2007 г. были достигнуты с помощью приемов, неполный перечень которых выглядит следующим образом¹⁹:

— Организованное голосование под давлением. Так, на некоторых предприятиях принуждали голосовать под угрозой увольнения; голосование родителей контролировалось во избежание «проблем на экзаменах» у их детей.

— Нарушение прав наблюдателей и членов избирательных комиссий с совещательным голосом, в частности, отказ в принятии жалоб.

— Использование открепительных удостоверений: 670 тыс. в 2003 г. и 1589 тыс. в 2007 г.

— Голосование граждан по предъявлению паспорта на вокзалах, в аэропортах и т.п.

— Нарушение порядка голосования на дому, в частности, включение граждан в реестр голосующих без их ведома.

— Подкуп избирателей (розыгрыш призов на избирательных участках, оплата фото с заполненного бюллетеня на мобильном телефоне и мн.др.)

— Выдача нескольких избирательных бюллетеней одному избирателю.

— Нарушение тайны голосования.

— Вброс бюллетеней, заполненных членами избирательных комиссий. Зарегистрированы случаи, когда в урнах было обнаружено бюллетеней в 2–3 раза больше, чем число расписавшихся в их получении.

— Нарушения при подведении итогов: удаление наблюдателей с избирательных участков, отказ в выдаче копий протоколов, выдача протоколов после сверки в вышестоящей комиссии, подписание протоколов членами участковых комиссий до подведения итогов и т.д.

Два обстоятельства отличали фальсификации на думских выборах 2007 г. Во-первых, их более широкий, чем прежде, масштаб, распространение на политические и культурные центры страны, включая Москву и Санкт-Петербург. В это неблагоприятное занятие добровольно или под давлением оказались вовлечены сотни тысяч людей. Во-вторых, их откровенно демонстративный характер. Нарушители уверены в том, что «все схвачено» и нередко не заботятся о том, чтобы придать своим действиям приличествующий характер, а отчетным данным — правдоподобие.

Если дело доходит до споров между избирательными комиссиями и другими участниками выборов, то на втором рубеже защиты их предрешенных результатов появляются прокуратура и «независимый» суд. Суды в большинстве случаев принимают сторону избирательных комиссий, под различными предлогами отклоняя жалобы граждан на нарушение их прав. Неравноправие сторон при рассмотрении избирательных споров проявляется и в том, что избирательные комиссии, в отличие от граждан, практически не несут никакой ответственности за нарушение закона. Прокуратура защищает фальсификаторов от уголовного преследования: фальсификации вскрываются достаточно часто, а вот случаи привлечения за это к уголовной ответственности — единичны.

В том, что «партия власти» (и стоящие за нею силы) привлекли на последние парламентские выборы большинство избирателей, которые сознательно или не

¹⁹ Там же. С. 147-154, 157-162; Новая газета. 2008. 28 февр. – 2 марта; Независимая газета. 2008. 1 апреля; Независимая газета. 2008. 17 июня; Бузин А.Ю. Административные избирательные технологии и борьба с ними. М., 2007.

задумываясь за нее проголосовали, едва ли приходится сомневаться. Но согласно оценкам независимых экспертов, в официальных данных явка избирателей завышена как минимум на 10 процентных пунктов (в некоторых регионах в разы), а результаты «Единой России» — на 12–15 пунктов (т.е. прямые приписки в ее пользу достигают порядка 5 млн из 44,7 млн голосов). По той же оценке, показатели КПРФ (11,6%) занижены на 2-5 процентных пункта, а СПС и «Яблока» (0,96 и 1,59%) соответственно — в 2-3 раза. Трудно допустить, например, что партия-клон «Гражданская сила», которая кампанию не вела и в регионах не была замечена, получила больше голосов (1,05%), чем СПС²⁰.

Апофеозом реализации «административного ресурса» стали выборы, проведенные в пяти субъектах РФ в октябре 2008 г. Грубейший характер прямых и беззастенчивых нарушений избирательного закона (нескрываемый подкуп избирателей, удаление наблюдателей с избирательных участков и т.д.) могут сравниться только с демонстративным отказом избирательных комиссий во главе с ЦИК и правоохранительных органов принимать во внимание сигналы о таких нарушениях. В итоге был получен искомый результат. «Единая Россия» в пяти законодательных собраниях взяла в общей сложности 76,6% мандатов. КПРФ сумела пробиться лишь в 3 региональных парламента и получила обескураживающий результат в Кемеровской области, где ее позиции всегда были сильны. В Чеченском парламенте кампанию победителю позволили составить лишь младшему партнеру — «Справедливой России». А две демократические партии, СПС и «Яблоко», сумевшие попасть в избирательные бюллетени только в двух регионах, одолеть барьер, воздвигнутый законодателями и подпертый устроителями выборов, одолеть не смогли.

«Выборы в России, — подвел итог этим результатам известный публицист и политик Б. Вишневецкий, — становятся почти бессмысленным, а потому скучным занятием. Сменить власть практически нельзя: избирательная система отстроена так, чтобы консервировать политическую. Все зачищается еще до выборов, а остальное шлифуется во время кампании и при подсчете голосов»²¹.

7. Российские выборы в оценке международных наблюдателей

Приглашение международных наблюдателей на выборы в значительном числе и в течение продолжительного времени призвано было подтвердить заинтересованность России в международной апробации применяемых избирательных процедур. В 90-е годы наблюдать за тем, как проводятся федеральные выборы, прибывало более тысячи зарубежных экспертов. Утверждавшийся тогда стиль отношений с иностранными наблюдателями был деловым и достаточно конструктивным. Не во всем соглашаясь с их заключениями, российские политики и представители ЦИК неизменно демонстрировали стремление к сотрудничеству и развитию отношений.

Первые парламентские выборы в условиях утверждавшегося режима «управляемой демократии» в 2003 г. заслужили ряд серьезных критических замечаний со стороны представителей авторитетных международных организаций. О том, как они были восприняты российскими властями, можно судить, сопоставив важные рекомендации БДИПЧ (Бюро по демократическим институтам и правам человека)

²⁰ Вестник Центральной избирательной комиссии РФ. 2007. № 19 (222). С. 5-7; Петров Н. Какая власть — такие и выборы, какие выборы — такая и власть (об итогах избирательного цикла 2007-2008 гг.). 2008. С. 9-10.

²¹ Ассоциация «Голос». Пресс-релизы 9, 10, 12, 13 октября 2008; Независимая газета. 2008. 7, 8, 15 октября; Новая газета. 2008. 16 октября.

ОБСЕ с изменениями, вносившимися после того в российское избирательное законодательство.

На предложение укрепить партийную систему и расширить возможности выразителям региональных интересов и интересов меньшинств организовывать свои партии российский законодатель ответил ужесточением Закона о партиях, а органы исполнительной власти — отказом в регистрации ряда функционировавших и сокращением числа официально признанных партий, как было показано выше.

На предложение облегчить налагаемое на партии финансовое бремя — увеличением величины избирательного залога и повышением порога, который партия должна преодолеть на федеральных выборах для возвращения залога, с 3 до 4% и освобождения от платы за услуги государственных СМИ — с 2 до 3%. Чтобы сохранить государственное финансирование, партия, как и прежде, должна получить не менее 3% голосов.

На предложение сократить долю чиновников в составе избирательных комиссий — разрешенным ее увеличением с одной трети до половины.

На предложение расширить общественный контроль за деятельностью избирательных комиссий — лишением общероссийских общественных объединений права направлять своих наблюдателей в эти комиссии.

Единственная рекомендация БДИПЧ, которая была реализована, — отмена графы «против всех» в избирательном бюллетене и отчетных документах. Здесь можно лишь отметить, что эксперты уважаемой организации не сумели оценить значение этой нормы в условиях нарастающего сужения политического поля.

Более жесткой критике проведение парламентских выборов 2003 г. было подвергнуто экспертами ПАСЕ. «Избирательная кампания по выборам в Государственную Думу, — заявил Д.Аткинсон, докладчик этой организации, — была целиком и полностью, изначально и фундаментально порочна. А потому выборы в целом никак не могут быть названы справедливыми»²². Вывод был суров. Но значительная часть критики ПАСЕ во многом совпала с замечаниями, высказанными Председателем ЦИК России А.Вешняковым на совещании председателей избирательных комиссий субъектов РФ по итогам выборов 2003–2004 годов. Правда, в критике Вешнякова нарушения были представлены как частные случаи. Но говорил он о прямых фальсификациях, содержащих признаки уголовного преступления, о сотнях приписанных либо отнятых голосов и подделке избирательных документов, о нарушениях тайны голосования и давлении на избирателей²³.

К 2007–2008 годам ситуация изменилась. Вешняков уступил место другому чиновнику. А продвижение к «суверенной демократии» было ознаменовано скандалом, который привел к отказу БДИПЧ прислать наблюдателей на условиях, продиктованных ЦИК России, и обменом резкими заявлениями в печати²⁴.

Интегральный итог развития избирательного законодательства сводится к тому, что избирательные процессы перестали играть сколько-нибудь значимую роль в формировании государственных институтов и существуют в основном для имитации

²² Независимая газета. 2004. 26 января.

²³ Итоги прошедших в 2003–04 годах избирательных кампаний и задачи по совершенствованию подготовки и проведению выборов, референдумов. Материалы совещания. М., 2004. С. 6–8.

²⁴ В духе времени российские официозные лица стали выступать с жалобами на предвзятость зарубежных критиков, стремящихся «подогнать российскую демократию под западные стандарты», и предложениями отказаться от приглашения международных наблюдателей вообще. См.: Российская газета. 2007. 10 октября; <http://www.kreml.org.options/164513685>

будто бы демократических процедур. Избирательный процесс успешно освобожден от воздействия независимых от государства сил и в конечном счете от избирателей²⁵.

Доверие к выборам, которое начало возрождаться во время горбачевских реформ, подорвано. В то, что выборы могут что-либо изменить, не говоря уж о том, чтобы привести к власти оппозицию, не верят ни их устроители, ни люди, по привычке исполняющие свой «гражданский долг», ни абсентеисты, уходящие из публичной политики. Каких-либо значимых благоприятных для себя изменений люди ждут от кого и чего угодно, но только не от возможности сменить власть на выборах. Поэтому справедливое утверждение вновь избранного Президента о превосходстве свободы над несвободой, породившее всплеск либеральных надежд, повисло в пустоте.

Имитация выборов вместе с высокими рейтингами первых лиц в государстве поддерживает видимость устойчивости утвердившегося режима. На деле истоки этой устойчивости иные: высокая конъюнктура мирового рынка, казавшаяся до недавнего времени весьма устойчивой и позволявшая получать незаработанные доходы, часть которых «пролилась» на население, контраст с нестабильностью 90-х годов, отложившейся в памяти многих как кошмар, объективные и субъективные слабости российской политической оппозиции и некоторые другие. Социальный запас прочности режима при таких условиях был и пока остается настолько велик, что избирательные заботы власти, не останавливающейся ни перед приспособлением закона к своим нуждам, ни перед его нарушением, казалось бы излишни. Однако вопрос о том, насколько долговечны эти условия, остается открытым. На последних выборах — парламентских 2007 г., президентских, региональных и местных 2008 г. — режим в общем получил санкцию большинства, пусть и завышенного в отчетах, но несомненно существующего, на сохранение status quo. Провозглашенные цели (рост населения, его благосостояния, пресловутые «проекты» и т.д.) обрисованы завлекательно. Однако способы, которыми власть собиралась их добиваться, не были предметом политической дискуссии. Мандат от граждан на то, как государство собиралось справляться с грозными вызовами, которые тогда только вырисовывались на горизонте, оно не получило. Более того — главноуправляющие этого не знали и не знают сами.

Обратные связи от общества к власти, в слабом и зачаточном виде возникавшие в годы перестройки и постперестройки, ныне обрублены. Повышена податливость руля, образовался люфт, но тем самым ослаблена его связка с колесами машины. Не мне принадлежит этот образ, но он замечательно точен²⁶. Когда власти может понадобиться реальная опора на общество, а не на подменяющую его корпорацию бюрократов, выяснится, что под ногами не твердая почва, а трясина. Наша страна это уже проходила на рубеже 1980–90-х годов...

²⁵ «Результаты выборов все меньше зависят от самих избирателей», — констатируют известные специалисты по избирательному праву. См.: Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 207.

²⁶ Петров Н. Указ. соч. С. 14.